

18+

ВЛАДИСЛАВ МАТВЕЕВ

СЛЕДОВАТЕЛЬ — В — ОДИНОЧНОЙ КАМЕРЕ

РЕАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ
О ТЮРЬМЕ,
ВЫЖИВАНИИ
И ВНУТРЕННЕЙ
СВОБОДЕ

СВОБОДА НАЧИНАЕТСЯ ВНУТРИ

Владислав Матвеев

**Следователь в одиночной камере.
Реальная история о тюрьме,
выживании и внутренней свободе**

«Издательские решения»

Матвеев В.

Следователь в одиночной камере. Реальная история о тюрьме, выживании и внутренней свободе / В. Матвеев — «Издательские решения»,

Это не просто история заключения. Автор — бывший следователь по особо важным делам — проходит путь от служебного кабинета до камеры одиночного содержания. Он подробно и без прикрас показывает, как устроена тюремная система и механизмы выживания в ней. Но главная линия книги — внутренняя трансформация. Одиночная камера становится не только испытанием, но и пространством для глубокой переоценки ценностей. Через лишения, одиночество и внешнее давление он приходит к состоянию внутренней свободы.

© Матвеев В.

© Издательские решения

Содержание

Вступление	6
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Следователь в одиночной камере Реальная история о тюрьме, выживании и внутренней свободе

Владислав Матвеев

© Владислав Матвеев, 2026

ISBN 978-5-0070-0350-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление

Привет, друзья! Я не профессиональный писатель, и вы читаете эту книгу по одной простой причине — я не мог не написать её. Произошедшие события, полностью изменившие мою жизнь, громко требуют освободить их из тюрьмы моего молчания и дать им доступ к широкой публике.

Некоторые мои близкие люди не поддерживали идею публикации этой книги, ибо я поднимаю острые темы, о которых не принято говорить, и не стесняюсь в способах выражения мыслей. Однако, несмотря на возражения, я принял решение книгу всё же опубликовать. Решение моё основано на уверенности в том, что для многих она станет не только интересным чтением о «приключениях» бывшего следователя по особо важным делам в тюрьмах и лагерях, но и поможет читателю найти свою собственную внутреннюю силу и стать по-настоящему свободным. На страницах этой книги я покажу вам систему исполнения наказаний России изнутри — следственные изоляторы, транзитно-пересылочные пункты, карцеры и ШИЗО, исправительные колонии. Каждый год сюда попадают десятки тысяч людей, разных людей. Несколько лет в этих местах провёл и я, внимательно всё рассмотрел, хорошо всё запомнил и многое записал. В течение всего срока заключения я вёл подробные дневники, которые и легли в основу этой книги.

Но это далеко не всё. Я расскажу вам, как я стал самым счастливым человеком на Земле, сидя в одиночной камере с промёрзшими стенами без каких-либо надежд и перспектив. Вы считаете, что это невозможно? Понимаю, я и сам бы так считал...

Однако это произошло и полностью изменило мою жизнь, позволив мне наслаждаться существованием каждый день, где бы я ни был. Уже много лет я живу свободной и радостной жизнью, и для этого мне не нужны никакие внешние стимуляторы.

Я твёрдо уверен, что это доступно каждому человеку — жить радостной жизнью независимо от внешних обстоятельств.

P.S. С момента тех событий, о которых пойдёт речь в этой книге, прошло достаточно много времени. Я давно не держу зла и не испытываю негативных эмоций в отношении каких-либо участников этой истории. Однако, когда эти события происходили, мне было не до смеха. Я был зол, испуган, подавлен, удручён, мне было очень тоскливо и грустно. При написании этой книги я мысленно возвращался в те времена и заново их проживал. В книге я постарался передать свои эмоции и чувства, которые были у меня в тот период моей жизни.

Иногда говорят, что все персонажи вымышлены, а любые совпадения являются случайными. А вы верите в случайные совпадения?

Глава 1

Есть мнение, что понедельник — день тяжелый. Утро понедельника, выпавшего на 13 октября 2014 года, точно было не из легких, по крайней мере для меня. С девяти часов утра этого злосчастливого (как казалось на тот момент) и счастливого (как оказалось позже) понедельника я стоял в зале судебных заседаний Октябрьского районного суда города Иркутска. Стоять несколько часов и слушать монотонную речь судьи было неприятно, но еще более неприятным был тот факт, что судили не кого-то, а самого меня. Рядом со мной стояли брат и отец. В зале было много народа — журналисты, адвокаты, просто зеваки. Тут же находился еще один человек, содержащийся в металлической клетке. Это крупный преступный авторитет, которого в 2011 году присяжные осудили на 25 лет тюрьмы за организацию убийства прокурора. Сейчас этот персонаж — потерпевший по моему уголовному делу. Персонаж злорадно улыбался, посматривая на меня. Дело в том, что это я, будучи следователем по особо важным делам, отправил его за решетку на долгие годы. Теперь судили меня, и он явно чувствовал себя замечательно. Месть, как известно, это блюдо, которое подают холодным. И меня в тот момент ему «подавали».

Одним из подающих блюдо был государственный обвинитель, то есть прокурор. Он стоял напротив меня, навалившись на свой стол. Стоять несколько часов подряд ему было тяжело, и он держался из последних сил. Разбухший от пива прокурор выглядел как измотанный старик, хотя был парнем средних лет. Лицо его лоснилось от пота, подмышки форменной синей рубашки были «украшены» мокрыми кругами. Его пожелтевшие от никотина зубы были слегка видны в полуулыбке, ведь, несмотря на усталость, он был явно доволен. Почти весь год он выпрыгивал из штанов, чтобы создать хоть какую-то видимость доказательств в этом процессе, и сейчас он не скрывал удовлетворения — он знал, что приговор обвинительный. В карьере государственного обвинителя не часто выпадает шанс «срубить» жирную «палку», а мое дело — как раз такой случай. Я смотрел на прокурора и вспоминал, как он нервно взвизгивал каждый раз, когда свидетель забывал заученный текст и начинал говорить правду, которая прокурору была не нужна. Тогда он подскакивал к свидетелю-двоечнику и тоненьким, но настойчивым голосом вопрошал: «Свидетель, вы, вероятно, запамятовали, ведь было совсем по-другому?!» Тут свидетель вспоминал слова отведенной ему роли и послушно соглашался, мол, да, запамятовал. И продолжал врать. Такой вот «слуга» закона, смешно и грустно. Говорят, что больше в прокуратуре таких не осталось, кончились.

Второй подающей блюдо мести была судья. Приятной внешности женщина средних лет с очень чёрными волосами. Такие волосы я потом видел в странах Ближнего Востока и в Индии, только там женщины рождаются с такими волосами, а моя судья покрасила. Так сказать, сфальсифицировала цвет своих волос. Она заседала за своим столом, расположенным на возвышенности. Я периодически смотрел на неё, и когда она чувствовала мой взгляд, сбивалась и начинала предложение заново. Её лицо покраснело. Нелегко читать вслух несколько часов без остановки, к тому же третий день подряд. Однако я подозревал, что на красноту её лица влияла не только длительность чтения вслух. Содержание самого приговора должно было автоматически вгонять в краску любого порядочного человека, а моя судья в душе была именно таким человеком. И именно поэтому она не могла не понимать, что на трехстах страницах приговора даже под микроскопом не удастся найти ни единого доказательства моей вины. Но блюдо должно было быть подано, поэтому она читала и читала. Когда судья прерывалась, чтобы перевести дух, она избегала смотреть в мою сторону. Все-таки я уверен, что ей было стыдно.

Большинство других лиц, находящихся в зале судебных заседаний, мне были незнакомы. Кто эти люди, зачем они здесь? Неужели им до такой степени нечего делать в жизни, что они ходят по чужим судам и глазают? Однако среди этой безликой толпы, стоящей в секторе для

публики, я заметил несколько человек, род деятельности которых всегда мог безошибочно определить. У них есть несколько названий — журналисты, корреспонденты, пресса, но эти названия не отражают сущность этих личностей. Стервятники с камерами — вот как я их называю. Объективы их камер жадно ловят каждое мое движение. Все они слетелись сюда ради свежего мяса, которым в этот день стал для них мой приговор. Кстати, на протяжении всего судебного процесса корреспонденты нескольких региональных газет распространяли про меня ничем не подтвержденную информацию, которую им предоставлял следователь, «расследовавший» мое уголовное дело. Также эти писатели приходили на судебные заседания, чтобы потом выдать очередную статью об «обороте в погонах» и о свидетелях, якобы доблестно меня изобличающих. Все эти опусы без труда и сейчас можно найти на просторах интернета.

На протяжении всего процесса «свидетели» с красными от алкоголя и страха лицами мямлили заранее заученный текст «показаний». Максимально убого и жалко это выглядело еще и потому, что эти так называемые свидетели были не бомжи с соседней теплотрассы, а офицеры — капитаны, майоры, полковники. Многие до этого процесса называли меня своим другом, но это не помешало им прятать взгляд в зале суда и нести ахинею. Ну что ж, каждому своё, каждый сам выбирает свой путь. Кстати, сейчас, на момент написания этой книги, многие из них опустили и умерли от спирта, остальные влчат незавидное существование, вспоминая на совместных попойках былые «заслуги» и ожидая своей очереди на концерт к одному известному исполнителю популярных в прошлом песен. Желаю им всем удачи и здоровья.

Я стоял посреди этой неприятной обстановки и почти не слушал приговор. Какой смысл слушать, ведь мне при любом раскладе обязаны вручить копию. Хоть судья еще и не дочитала до конца, с самых первых слов было понятно, что приговор обвинительный. Интригу составлял лишь вопрос наказания — будет ли условный срок или меня реально посадят в тюрьму.

Мои мысли постоянно возвращались к утру сегодняшнего дня, когда я отводил старшую дочь в садик. Ей четыре года, она спокойная умная девочка с большими грустными глазами. Предполагая, что меня сегодня могут посадить, я обдумывал, что сказать дочери. Ведь это годы, годы жизни без меня! Как маленькому ребенку объяснить, что я не ушел, не бросил ее, сестренку и маму, что меня нет рядом не по моей воле? Ничего лучше, как придумать историю про поездку в далекую командировку, я сочинить не смог. Прощаясь, я сказал ей, что не знаю, когда смогу вернуться, потому что еду в далекую страну, откуда непросто вернуться, но я обязательно вернусь. Дочка внимательно посмотрела на меня своими большими грустными глазами, обняла меня крепко-крепко за шею и прошептала своим детским голоском: «Папа, ты только обязательно возвращайся, пообещай мне». И я пообещал. Я обнял ее, слезы душили меня, но я взял себя в руки и пообещал ей непременно вернуться, вернуться несмотря ни на что.

Тогда я еще не знал — чтобы сдержать обещание, мне потребуются годы жизни и огромное напряжение воли.

От этих воспоминаний сердце сжималось. На несколько секунд я вернулся в зал суда, где судья все так же монотонно читала свой бессмысленный текст. И потом опять провалился в мысли.

Я подумал о младшей дочери, она совсем малышка, ей ещё нет и двух лет, и она не умеет разговаривать. Ее выразительные глаза говорят больше, чем любые слова. Я представил, как она будет расти без меня, скажет первое слово, начнет активно развиваться, учиться новому, познавать мир. И она тоже будет задавать вопросы — а где мой папа? Ведь у всех папа есть, значит, и у нее должен быть. Я надеялся, что моя супруга сможет найти способ рассказать дочке историю про длительную мою командировку и невозможность приехать в ближайшее время.

Моя жена тоже понимала, что меня могут посадить, мы это много раз обсуждали. Но она не очень-то верила, что это произойдет. Она надеялась, что я останусь на свободе. Да и я, чего

скрывать, тоже не хотел в это верить, хотя умом понимал — для этой системы, частью которой я сам был еще совсем недавно, я всего лишь расходный материал. Блюдо, которое подавали холодным.

Тем временем судья дочитывала приговор. Её голос звучал как фоновый шум, неразборчивый и далекий. Я был в плену своих мыслей, заполнивших всё мое сознание. Внезапно слова судьи бесцеремонно вторглись в мой иллюзорный мир мыслей, и я отчетливо услышал: «Признать подсудимого виновным и назначить ему наказание в виде лишения свободы на срок шесть лет. Взять подсудимого под стражу в зале суда».

Знаете, какое ощущение я испытал, услышав это? Это было так, будто я сладко спал в теплой уютной кровати, и вдруг с меня неожиданно сорвали одеяло и вылили огромное ведро ледяной воды прямо на голову. Вылили прямо на тепленького спящего меня. Несколько секунд я отказывался в это верить. Было странное ощущение, что все это происходит не со мной, а с каким-то персонажем. Как будто я смотрю какой-то фильм про себя. Или это какой-то розыгрыш, и вот-вот судья скажет: «Я пошутила...». Но нет, это был не фильм и не шутка. Меня ждала суровая новая реальность под названием тюрьма. Удивительно, но в этот момент я как будто застыл внутри, как будто чувствительность выключилась, и я не ощущал печаль или страх, хотя ситуация для этих чувств была подходящая. Злость, печаль и страх придут позже. А пока я стоял опустошенный, беспомощный и смотрел по сторонам.

В железной клетке сидел потерпевший преступный авторитет, смотрел на меня и не сдерживал злорадной улыбки. Я остановил на нем взгляд и начал рассматривать его лицо, которое было нездорового серого цвета, все в морщинах. До тюрьмы он выглядел намного лучше и моложе. «В такого же задрота превращусь теперь и я», — подумалось мне. Потерпевший авторитет поймал мой взгляд и ехидно прошипел так, что я его услышал: «До встречи в СИЗО, Владислав Сергеевич». Звучало угрожающе, но я знал, что по закону бывшие сотрудники правоохранительных органов содержатся отдельно с другими категориями заключенных. Правда, это если по закону, но подобные мысли я решительно отогнал от себя. На тот момент в следственном изоляторе №1 г. Иркутска содержались десятки преступников, которых я отправил за решетку за годы работы следователем. Все они были убийцами, насильниками, наркоторговцами, торговцами людьми и оружием, получившими огромные сроки за свои деяния. По понятным причинам, пересекаться с ними у меня отсутствовало малейшее желание.

Я обвел глазами зал судебных заседаний. Судьи в этот момент уже не было, она поспешно ретировалась в свой кабинет через специальную дверь. Прокурор кому-то резво докладывал по телефону, я слышал обрывки фраз: «все в порядке, шесть лет», «сейчас повезут в СИЗО». Лицо прокурора сияло, как будто он выиграл миллион. Кстати, я не исключаю, что так оно и было.

Газетчики и телевизионщики сновали по залу с камерами, снимали и фотографировали все подряд. Некоторые из них тяжело дышали и высунули языки, как собаки, которые устали от бега и хотят пить. В целом в зале суда я наблюдал радостное возбуждение, и только три человека — я, мой отец и брат — стояли посреди этого «праздника» с грустным потерянными видом, как пингвины на льдине, которую несло в открытое море. Нам было нечего праздновать, ибо мы понимали, что через несколько минут мой кусочек льдины должен был отколоться. А дальше меня уже одного понесет в открытое бушующее море под названием ФСИН России — Федеральная служба исполнения наказаний. И ничего хорошего этот вынужденный круиз не предвещал.

Через пару минут в зал зашли два судебных пристава в полной амуниции, с хмурыми напряженными лицами. Один из них взрослый, серьёзный мужчина, который часто присутствовал на процессе, подошел ко мне. Я посмотрел ему в глаза и протянул руки для наручников. Однако пристав отрицательно покачал головой и сказал: «В твоём случае в наручниках

нет никакой необходимости. Просто пойдем со мной на первый этаж, и пока едет конвой, сможешь позвонить близким. Я уважаю тебя за твою работу следователем, многие тебя уважают, ты еще увидишь это». Эти слова незнакомого человека, пробившись сквозь всю эту нелепую ситуацию, вызвали у меня благодарность. Я до сих пор вспоминаю этого пристава с теплотой.

Из зала суда было два выхода — общая дверь, через которую заходят свидетели, адвокаты и подсудимые на подписке или залоге, и специальная, которая ведет в подвал суда, где подсудимые содержатся в клетках. Пристав кивнул на общую дверь и сказал: «Спускайся на первый, к выходу из здания, там подождешь конвой». Алгоритм доставки осужденных из суда в СИЗО мне знаком, ведь я сам, будучи следователем, много раз участвовал в судебных заседаниях по избранию обвиняемым меры пресечения в виде заключения под стражу. Сейчас вся эта процедура инициирована в отношении меня — помощник судьи вызвал конвой, который повезет меня в следственный изолятор.

По указанию пристава я вышел из зала суда в коридор, там было много народа. Репортёр второго канала тут же подлетел ко мне с микрофоном, тыча им прямо в лицо: «Будете обжаловать приговор?» Я ответил, что, конечно, буду обжаловать этот абсурдный приговор, который можно было вынести только в мире кривых зеркал и псевдологии. Журналисты потом, как обычно, вырвали эту фразу из контекста и все переврали. Эти журналисты всегда вызывали у меня отвращение. Они как крысы, роющиеся в мусоре в поисках пищи. Только у крыс нет выбора, а у журналистов выбор есть. Но многие из них выбрали копаться в помойках. Что ж, каждому своё.

На первом этаже суда я сел на стул, рядом стояли брат и отец. Пока была возможность, я позвонил жене: «Привет, дорогая. Мне дали шесть лет тюрьмы. Сейчас повезут в СИЗО. Крепись, я тебя люблю». Я услышал, как жена тихо заплакала в трубку. На заднем фоне заплакала младшая дочка. Никогда не забуду этот момент — ноющая боль в груди возникла и не давала мне вдохнуть. Злость на несправедливость приговора, из-за которого страдают близкие мне люди, начала наполнять меня. Вот суки! Кстати, мне потребовалось несколько лет, чтобы полностью избавиться от любых негативных эмоций и чувств в адрес всех участников этих событий. И уже много лет я живу свободно и радостно, так как прошлое больше не имеет надо мной никакой власти.

Я снял наручные часы (подарок жены на день рождения) и обручальное кольцо, посмотрел на них в последний раз и отдал вместе с сотовым телефоном брату. Мы обсудили обжалование приговора, оплату адвокату, еще какие-то организационные вопросы. Пристав куда-то ушел, и мы остались абсолютно одни. До выхода из здания суда было не больше 10 метров, я мог просто встать и выйти. Сесть в машину и уехать. Через три часа быть в Монголии. За три часа никто не успел бы организовать полноценный розыск. Я смотрел на дверь и обдумывал этот вариант. Пока я взвешивал все «за» и «против» побега, в суд зашли два полицейских и направились к нам. Таким образом, ситуация разрешилась сама собой, и вариант «сбежать» больше не рассматривался. Остался вариант «ехать в тюрьму». На протяжении многих лет я мысленно возвращался к этой развилке двух дорог. И я тысячу раз благодарен тем двум людям, приехавшим за мной в то самое время, когда я стоял перед выбором. Сейчас я понимаю, что, сбежав в Монголию, я создал бы себе огромное количество проблем и никогда не попал бы в места и обстоятельства, максимально меня изменившие. Иногда в жизни так бывает — твоё прекрасное будущее определяет вовремя приехавший конвой.

Менты — молодые гуси чуть больше двадцати лет. Один из них тонким голосом подал команду: «Вытяни руки». Я медленным движением протянул руки вперед, и холодные металлические наручники защелкнулись на моих запястьях. Меня обнял сначала отец, потом брат. Я стоял как бревно, в наручниках, без какого-то понимания, что дальше будет. Я видел, что отец и брат с трудом сдерживают эмоции, я запомнил их такими — с выражением горечи и

боли на лицах, с тревогой в глазах. Все больше и больше я начинал ощущать себя человеком, изолированным от общества, изгоем. Мы попрощались, и меня вывели из здания суда. А на улице было тепло, ведь бабье лето в Восточной Сибири — прекрасная пора! Лес перед зданием Октябрьского районного суда играл осенними красками. Высокое синее небо, никогда его не забуду. Тихая безветренная погода, солнышко светит, умиротворение. Но я в наручниках, и на много лет мне теперь недоступна свобода, солнце, лес, чистое синее небо... Внутри меня все сжалось от мысли — почему я не ценил это раньше? Почему тратил своё время на ерунду? Почему просто не наслаждался свободой, не гулял по этому лесу с детьми, не сидел на берегу Ангары? Эти вопросы будут терзать меня в тюремной камере, не давая уснуть по ночам.

Перед входом в машину конвоя я обернулся и увидел отца и брата, они стояли рядом и грустно смотрели на меня. Они оставались, а я покидал этот мир. Мир нормальных людей, мир комфорта и уюта, мир прогулок по лесу и детского смеха. Меня ждала другая вселенная со своими правилами, законами, запахами и пейзажами. Набрав побольше воздуха, я нырнул в машину конвоя. Дверь «буханки» захлопнулась за мной, и высокое синее небо Сибири осталось в другом мире, в другом измерении.

Я сидел в прокуренном нутре УАЗика, который подпрыгивал на ухабах. Меня везли в следственный изолятор №1 ФСИН Иркутской области, Иркутское СИЗО. Я начал ощущать тяжесть, которая наваливалась на меня. Сказывалась усталость и отсутствие еды и воды. Помимо этого, я начинал все больше осознавать, куда я попал и насколько это серьезно. Безвыходность моего положения давила все сильнее и сильнее, тревога и беспокойство нарастали. Это было давление неизвестности. До последнего момента я надеялся, что останусь на свободе, и не был готов к такому повороту событий.

Я смотрел на молодые безразличные тупые лица своих конвоиров и понимал — они просто подчиняются приказам. Им дали приказ везти меня в тюрьму — они везут. Им дадут приказ расстрелять — расстреляют. И если есть принцип «ничего личного, просто бизнес», то есть и другой принцип — «ничего личного, просто приказ». Очень удобно для многих, никакой ответственности. Огромному количеству людей не нужна свобода выбора, им нужны четкие и понятные приказы и указания. Таким людям нужен хозяин, который за них все решит. И это одна из основных причин всей той непотребной дичи, которая часто творится на Земле.

Чем дальше ехало это подобие машины, чихая и подпрыгивая на каждой кочке, тем все сильнее ко мне приходило понимание моего нового статуса. Теперь я зэк, отброс общества, изгой. Подобное чувство я испытывал в школе, когда сумасшедшая учительница отчитывала меня перед всем классом и демонстративно изгоняла в коридор.

Глава 2

УАЗик трясся на каждой кочке, как будто специально испытывая моё терпение. Окон внутри не было, только тусклый свет от лампочки. Сидящие напротив меня менты молчали, смотрели по сторонам и в пол, избегая встречаться глазами со мной. Их лица не выражали ничего, ведь я был просто грузом, который надо доставить в пункт назначения. Где-то слышал, что выводят новую породу людей — «человек служебный». Похоже на то, что эти двое были из первого выводка.

Я сидел и смотрел на свои руки, закованные в наручники. Металл был холодный, блестящий, новый. Я потянул руки в стороны — прочные. Даже не знаю, зачем я это сделал, но это ощущение вызвало у меня слабую ухмылку.

Буханка подпрыгнула на очередной выбоине. Полицейские продолжали молчать. Гул двигателя заполнил пространство, ничего интересного не происходило, я по привычке провалился в свои мысли. Физически я был здесь, закованный в «браслеты», в этой прокуренной клетке на колёсах, но мой ум ускользнул в прошлое.

Всего несколько лет назад я был на пике своей карьеры следователя. Несколько лет подряд признавался лучшим следователем области, получил грамоты, премии, ценные подарки, досрочные звания. В 2009 году я получил новый автомобиль от губернатора области. Я вспомнил тот день — сцена Музыкального театра, яркие софиты, аплодисменты. Лестные слова о моей преданности делу и заслугах, совместные фотографии с губернатором и генералами разных ведомств.

Воспоминания повели меня ещё дальше, к началу моей карьеры в 2006 год. Я, молодой следователь, ещё не аттестованный, сижу за столом в своем кабинете в прокуратуре г. Братска. Стол завален уголовными делами. Рабочий день с шести утра до часу ночи. Семь дней в неделю, 365 дней в году. В приказах о поощрении всегда писали: «Работает, не считаясь с личным временем». Я мечтал подняться выше, попасть в областной аппарат. Работал как заведённый, и через год, два месяца и двадцать два дня меня назначили старшим следователем в областной следственный комитет. Связей для карьерного роста у меня не было.

Но у меня было кое-что получше — огромное желание работать и бороться с преступностью, особенно с организованной. Я показывал прекрасные результаты, при моем участии было раскрыто множество заказных убийств, которые давно были признаны безнадежными. По всей стране мы задерживали киллеров, организаторов, пособников. В 2009 году я стал следователем по особо важным делам.

Я вспомнил, как расследовал резонансное уголовное дело по факту убийства заместителя прокурора города Братска. Группа киллеров по заказу бывшего начальника милиции и одного из преступных авторитетов (того самого, что был потерпевшим на моем процессе) в январе 1999 года совершила убийство заместителя прокурора, расстреляв его в подъезде собственного дома. Долгое время дело оставалось нераскрытым.

В 2008 году я возглавил следственно-оперативную группу, в состав которой входили опера УБОП и ФСБ. В результате кропотливой работы были установлены и задержаны инициаторы и исполнители этого дерзкого убийства. Это уголовное дело гремело на всю страну, все участники получили свое: преступники — огромные сроки, а мы — досрочные звания, грамоты, премии, медали.

Потом были и другие уголовные дела. Я раскрыл множество убийств, совершённых в прошлые годы. Большинство из них были связаны с одной группировкой — известным на всю страну преступным сообществом из Братска. «Братские» в 90-е годы были мощнейшей преступной группировкой. Убийства, рэкет, вымогательства — они не знали границ, действовали жестко и вызывающе.

Я вспомнил, как в 2008 году лично задерживал полковника и преступных авторитетов по делу убитого прокурора. Я вспомнил, как они предлагали мне деньги, миллионы долларов. Тогда я был идейным и не взял ни копейки. А сейчас? Сейчас я сижу в этой трясущейся «буханке» и думаю: может, я идиот? Может, надо было взять миллион долларов, открыть счёт в офшорном банке, уйти в отставку и жить спокойно с семьёй у моря?

Машина дернулась, и наручники напомнили о себе, впившись в запястья. Их холодный металл словно шептал мне: «Даааа, ты идиот. Умные люди не оказываются в таких ситуациях. Умные люди не едут в наручниках в СИЗО». Я сидел здесь, в прокуренном нутре этой развалины на колесах, и начинал понимать, что мир, в котором я жил, больше никогда не будет прежним. Машина сделала крутой поворот, резко остановилась, и мои размышления оборвались. Судя по всему, мы приехали.

Въезд в тюрьму — это своеобразный ритуал, одна из тех деталей, которые отпечатываются в памяти. Автозак заезжает через так называемый шлюз, то есть сначала открываются внешние ворота, и УАЗик заезжает в тёмное, замкнутое помещение, напоминающее бункер. Ворота за нами медленно захлопываются, глухо звеня массивным металлом. Мы оказываемся заперты между двумя мирами — волей и тюрьмой.

Шум двигателя стихает. В помещении становится неестественно тихо. Я не видел, что происходит снаружи — изнутри этой вонючей «буханки» невозможно что-либо разглядеть. Но позже, когда меня начали возить по разным колониям, я рассмотрел эту процедуру во всех подробностях. В этом помещении автозак детально и тщательно досматривают: проверяют днище, обнюхивают собаками, конвой проверяет документы на груз, то есть на заключенных.

После завершения проверки открываются ворота в тюремный двор. Машина рывком трогается с места, проезжает во двор и останавливается. Вот теперь точно приехали.

Дверь «буханки» открыли снаружи. Свет проник внутрь и ослепил меня, несколько секунд я ничего не мог разглядеть. Когда глаза привыкли к свету, я увидел несколько сотрудников СИЗО, одетых в синюю пятнистую форму, стандартную для ФСИН. Один из них, светловолосый парень лет двадцати пяти, заглянул в автозак с веселой приветливой улыбкой и бодро спросил:

— Фамилия?

Я назвал свою фамилию, парень сверился со списком, кивнул и принял от сопровождающих меня полицейских какие-то документы.

— На выход! — скомандовал он.

Я выпрыгнул из машины и оказался во дворе следственного изолятора. Первое, что бросилось в глаза, были массивные тюремные стены, взявшие тюремный двор в кольцо. Белые, каменные, высотой метров восемь, они давили на меня фактом своего существования. Сверху на стенах были намотаны слои колючей проволоки, новой и блестящей. Кроме проволоки и синего неба наверху больше ничего не было. Четвертой стеной этого двора-колодца была стена здания изолятора, в нижнем правом углу которой виделась дверь. Дверь напоминала черный беззубый рот, который готов поглотить что угодно. Дверь-рот была открыта, около нее стоял фсиновец с собакой на поводке. Собака была страшная — огромный ротвейлер с блестящей черной шерстью и огромным зубастым ртом. Собака уловила мой взгляд и мгновенно напряглась, натянулся поводок, и она глухо зарычала. Её маленькие пороссячи глаза пристально следили за каждым моим движением.

— Не стоим, проходим! — бодро скомандовал светловолосый.

Я бросил последний взгляд на небо. Синий квадратик в рамке из колючей проволоки. Глубоко вдохнув полной грудью вкусный осенний воздух, я постарался запомнить этот момент. Через секунду, не чувствуя ног от волнения, я пошел вперед к двери, мимо рычащего ротвей-

лера, считая за чем-то шаги. Чувствовал себя как аквалангист, погружающийся в мутную жижу зловонного водоема. Все глубже и глубже... Три, два, один... дверь захлопнулась за моей спиной, и тюрьма поглотила меня целиком и полностью.

Глава 3

8 октября 2014 года. За пять дней до моего ареста.

Осуждённый Романов Алексей, отбывавший наказание за побег в исправительной колонии №3, готовился к этапу. Утром ему сообщили, что его срочно переводят в СИЗО №1. Колония и изолятор находились по соседству, примыкали заборами друг к другу, и такой этап — со всеми процедурами досмотра — занимал не больше часа.

Романов был разработчиком, именно так в тюремной системе называли заключённых, которые выбивали признания из других арестантов по указанию администрации. Это был стрёмный бизнес, но желающих им заняться было немало. Взамен за свою «работу» разработчики получали «ништяки»: послабления режима, внеочередные свидания с родственниками, дополнительные передачи продуктов и сигарет, возможность иметь в камере сотовый телефон и многое другое.

За плечами Романова было несколько десятков лет тюремной жизни. Воля для него была туманным воспоминанием, размытым временем и страхами. Его давно никто не ждал. Жена бросила, дети выросли, друзья забыли, родители умерли. Тюрьма стала его единственным домом. За годы мотания по лагерям и тюрьмам он потерял почти все зубы — остались только три гнилых зуба впереди, которые он прикрывал густыми усами. Усы, кстати, ему тоже разрешили отрастить менты, за «заслуги» перед режимом.

Его внешность должна была вселять страх, и на многих это действовало превосходно. Абсолютно лысая голова отражала тусклый свет тюремных ламп. Маленькие, колючие глаза впивались в жертву, как иглы, из-под густых бровей. Его могучая шея, как у быка, и мускулистое тело говорили о многих годах работы над собой. Руки были покрыты синими лагерными татуировками — розы, кинжалы, колючая проволока — целый каталог криминального «искусства».

Когда в камеру заводили нового арестанта, Романову не приходилось даже применять силу. Ему хватало одного угрожающего взгляда, чтобы жертва начала говорить. Его глухой, басистый голос, словно гул из глубины пещеры, разрушал психику новоприбывших. Они сами начинали писать признания, выкладывали всё, что требовалось следствию. Но Романов никогда никого не бил. И не потому, что был добрым человеком и считал насилие неприемлемым. Просто Романов был трусом. Он боялся открытого противостояния, боялся на животном уровне тех, кто не боялся его. Этот страх Романов всячески маскировал и скрывал под своим грозным видом. Именно для устрашения других, а не для собственного здоровья, Романов каждый день тренировался по несколько часов, отжимался от пола, приседал сотни раз и качал пресс. Однако за всей этой грозной внешностью скрывался человек, который боялся мира за пределами тюремных стен, боялся людей, которые не повелись на его маскарад. С такими людьми Романов не вступал в конфликты и вел себя скромно и незаметно.

Впервые он попал в тюрьму в молодом возрасте, подростком — ограбил и убил человека в составе группы таких же дебилов, как он сам. Тогда ему дали 10 лет лишения свободы. Но годы шли, а он так и не смог выйти. Психика его окончательно сформировалась в тюрьме, и он не представлял жизнь в нормальном обществе. Свобода пугала его больше, чем решётки. Каждый раз перед освобождением он устраивал что-то, что гарантировало продление срока. Публично оскорблял охрану, готовил побеги, которые с лёгкостью предотвращали. Деформированная логика Романова подсказывала ему, что тюремные стены — это его убежище, его спасение. А сотрудничество с администрацией обеспечивало ему прекрасные условия содержания.

СИЗО №1 встретил осужденного Романова серой тоской, ярким слепящим светом ламп освещения и вонью протухшей капусты. Из автозака его сразу привели в кабинет начальника оперативного отдела. Кабинет выглядел так, как будто в нём давно не делали уборку. Запах

огромного количества окурков в гигантской пепельнице смешивался с плесенью старых бумаг, которыми были завалены шкафы вдоль стены. На другой стене висел портрет Дзержинского. За столом сидели двое. Первый — начальник оперотдела, большого вида мужчина с огромными мешками под глазами, напоминал изрядно постаревшего Михаила Боярского с дикого похмелья. Второй — молодой человек лет тридцати пяти, в гражданской одежде. В его манерах была смесь наглости и самоуверенности.

— Осуждённый Романов, статья 313 УК РФ. Срок — четыре года, — громко, почти механически, представился он, смотря в пол.

— Присаживайся, — сказал начальник оперотдела, указывая на обшарпанный стул у входа.

Романов покорно сел. По старой тюремной привычке он устался на свои руки, избегая зрительного контакта.

Первым заговорил молодой человек в гражданском:

— Я сотрудник госбезопасности, майор, — он назвал свою фамилию, махнул перед носом Романова удостоверением, почти не раскрыв его. — Для тебя есть дело, — его голос был наглым, с налётом издёвки. Это раздражало Романова, но он ничего не сказал. Он и не мог ничего сказать, потому что был рабом этой системы, молчаливо выполнявшим приказы и получавшим за это подачки.

Майор продолжал:

— Через несколько дней сюда привезут бывшего следователя Следственного комитета. Его осудят днём, в понедельник, и к вечеру он будет здесь. Минуя карантин, он попадёт прямо к тебе в камеру.

Романов кивнул. Всё как обычно, ничего нового. Это была его работа. Майор начал описывать цель:

— Толстый, мягкотелый, безвольный алкаш тридцати лет. С таким проблем не возникнет, расколется в первые дни. От него нужен компромат на руководство Следственного комитета и на его друзей из МВД.

Романов снова кивнул, подавляя раздражение. Майор говорил с ним, как с мальчишкой, но он знал, что лучше молчать. Романов знал свое место, понимал свою роль.

После короткого инструктажа начальник вызвал конвой, и Романова увели.

Его провели через переход, напоминавший тоннель, с бесконечными дверьми и решётками. Переход вел в отдельный корпусный блок №2 — как его еще называли, «красный корпус». Этот блок стоял отдельно от остальных зданий СИЗО. Здесь держали маньяков, людоедов, киллеров, осуждённых на пожизненное. Здесь также находились бывшие сотрудники органов государственной власти, которые оказались по ту сторону закона и к которым у государства теперь имелся повышенный интерес.

Романова завели в камеру №234. Дверь с шумом захлопнулась за спиной, и он медленно огляделся. Пустая камера, гладкие серые стены, решётка на окне, повсюду пыль. Очередная камера, очередной эк. Он усмехнулся этой мысли, вспомнив передачу Парфенова «Намедни», которую раньше часто показывали по НТВ. Романов смахнул пыль с лавочки около стола, стоящего около окна, сел и вспомнил слова майора.

Судя по описанию этого следователя, всё должно было пройти легко. Таких лохов он повидал достаточно — холеные упитанные мальчишки, следователи или оперативники, любители халявных денег, алкоголя и продажных женщин, частенько попадали к нему в камеру для разработки. Попавшись на взятке или на мошенничестве, такие толстощекие персонажи заезжали в СИЗО с трясущимися от страха руками, и все как один делали всё, что Романов им говорил. Сдавали своих друзей, бывших коллег, начальство. Подписывали любые показания, врали на очных ставках. Все они повелись на этот маскарад с лысой головой, низким голосом,

раскаченным торсом, татуировками и боялись Романова, видя в нем реальную угрозу своей жизни и здоровью.

Романов потянулся, запихал под шконку свою сумку, куда умещалась вся его жизнь, сел и закрыл глаза. В голове у него была только одна мысль — нет заварки на чифир, нет заварки... Чифир — этот крепчайший чай черно-синего цвета, без которого он не мог жить уже больше 10 лет, был для него важнее еды, сна и сигарет, важнее всего на свете. Он повторял про себя как мантру: «Начальник оперотдела обещал, что утром вместе с баландой передадут несколько пачек чая». Эта мысль грела Романову душу, радовала его и поднимала настроение.

Глава 4

Я переступил порог СИЗО, и за мной тут же захлопнулась тяжёлая металлическая дверь. Звук был таким резким и гулким, что казалось, он отразился от всех стен и остался висеть в воздухе. Вместе с этим звуком меня накрыл запах — густой, мерзкий, как затхлая тряпка, пропитанная прокисшей капустой. Запах был повсюду, пронизывал всё, как будто сам воздух здесь был заражён. Через пару дней я перестал его замечать, но в первый день этот запах резал нос, сбивал дыхание и вызывал отвращение.

Меня встретили несколько сотрудников в синей пятнистой форме. Младшие инспекторы, или «дубаки», как их тут еще называют. Их лица не выражали ничего, кроме ленивого высокомерия, как у людей, привыкших к власти, которой никто не может бросить вызов.

— Налево, — нагло сказал один из них, не утруждая себя вежливостью. — Полностью раздевайся.

Я прошёл в указанное помещение. Комната была практически пустой: металлический стол, похожий на операционный, и устройство для сканирования, как в аэропортах. Больше ничего. Даже стены, казалось, были лишены каких-либо деталей — только белесая серость, давящая на сознание.

Я разделся до трусов, сложил одежду на стол. Спортивный костюм, футболка, кроссовки и пачка сигарет. Больше у меня ничего не было. Я стоял в трусах, чувствуя холодный пол под ногами, и смотрел на дубаков. Их было двое, оба с выражением скупающей злости.

— Снимай трусы, — скомандовал второй, с колючими глазами, которые впивались в меня, как осколки стекла.

Я посмотрел на него прямо, вызывая, и твёрдо сказал:

— Трусы снимать не буду.

Его лицо побелело. Злость перекосила черты, и он процедил сквозь зубы:

— Это досмотр, тут такие правила. Мы знаем, что ты бывший следователь, но учти: я ненавижу таких, как ты. Если сейчас же не снимешь трусы, то поедешь в карцер. Здесь для всех одни правила, и ты будешь им следовать.

Мои губы уже раздвинулись для ответа, когда в помещение вошёл майор. Его появление разрядило обстановку. Он шагнул внутрь, бодро улыбаясь, и бросил мне:

— Ну что, как ощущения?

Хотя в его голосе и была лёгкая издёвка, но я понял, что он на моей стороне. Улыбнувшись в ответ, я сказал:

— Ощущения не самые приятные.

Майор кивнул, хмыкнул и махнул рукой:

— Одевайся, досмотр окончен.

Я натянул одежду, чувствуя, как напряжение постепенно уходит. Майор что-то сказал дубакам, и те молча вышли из комнаты. Он повернулся ко мне:

— Идём

Мы пошли по ярко освещённому коридору. Свет ламп был таким резким, что глаза быстро начали болеть. Стены были выкрашены в выцветший бежевый цвет, и от этого казалось, что коридор бесконечен. Лязг замков, скрип дверей — все звуки сливались в монотонный ритм, от которого хотелось заткнуть уши. Я шёл за майором, радуясь, что инцидент с досмотром завершился в мою пользу. Но радость была мимолётной. Я знал, что здесь нужно быть настороже. Особенно с теми, кто демонстрирует хорошее отношение.

Майор завёл меня в очередное помещение. Там уже стоял зэк из хозобслужбы с машинкой для стрижки. Машинка выглядела так, будто её собрали из остатков старого оборудования,

найденных на городской свалке. Когда он включил машинку, она зажужжала, как мотор древнего «Москвича», и затряслась в его руках.

Стрижка больше напоминала пытку — машинка не столько срезала волосы, сколько выдирала их. Я молчал, только изредка сжимая зубы от боли.

После этого был осмотр у врача, проведенный с наивысшей степенью формальности. Толстая женщина неопределённого возраста даже не взглянула на меня. Она лениво заполнила бумаги, что-то пробормотала про общее состояние здоровья, ничего у меня не спросила и сообщила, что я абсолютно здоров. Судя по всему, при таком подходе СИЗО было уникальным местом, где все здоровы на сто процентов.

Мы опять долго шли по коридорам. Лязг замков и дверей, которые открывались автоматически, делали этот путь почти гипнотическим. Несколько раз поднимались и спускались по лестницам. Наконец, мы остановились перед дверью с табличкой: «Начальник следственного изолятора». Майор обернулся ко мне и сказал:

— Лицом к стене, руки за спину. Жди.

Я подчинился. Постучав в дверь, майор скрылся за ней. Через минуту он выглянул:

— Проходим

Кабинет начальника был обставлен просто, но со вкусом. За столом сидел мужчина в форме полковника. Его лицо выражало смесь профессиональной строгости и усталости. Он встал, протянул мне руку. Я пожал её, и он предложил сесть напротив.

— Мы с тобой знакомы, хоть лично и не встречались, — сказал он. — Много арестантов сидело и сидит у меня по твоим делам.

Я кивнул

— Я тебя уважаю, — продолжил он. — Поэтому, если не будешь нарушать правила, проблем не будет.

— Вы можете посадить меня в одиночку?

Я хотел отлежаться в тишине, прийти в себя, и компания мне была совсем не нужна. Причем я подозревал, какая это будет компания...

Начальник покачал головой:

— Это запрещено, я не могу тебя распределить в одиночную камеру. Но не волнуйся, ты будешь сидеть в хорошей, тёплой камере, с еще одним арестантом. Он взрослый и спокойный.

«Спокойный». Интересное слово для характеристики сокамерника. В этот момент пульсирующая боль в голове усилилась, и меня начало тошнить. Напряжение всего дня, отсутствие воды и голод давали о себе знать. На свободе я почти каждый день пил пиво, водку, коньяк и другой спирт. Моё здоровье было убито годами пьянок в Следственном комитете. Ни о какой выносливости не могло идти и речи.

— Спасибо за тёплый приём, — сказал я, пытаюсь улыбнуться. — Обещаю вести себя хорошо.

Начальник кивнул:

— Удачи в обжаловании приговора.

Майор, который привел меня, поднялся со стула, и мы вышли из кабинета. Мы прошли по длинному тоннелю и оказались в отдельном корпусе. Трёхэтажное здание, металлическая лестница посередине. По периметру — двери в камеры. Дежурный по корпусу выдал мне постельное бельё, металлическую ложку, кружку и две миски. Я расписался в журнале.

Наконец, меня подвели к двери с номером 234. Дежурный открыл её и скомандовал:

— Проходим

Держа свёрток с бельём и посудой, я вошёл. Дверь за мной резко захлопнулась, и я оказался в камере.

Первая тюремная камера в моей жизни, здравствуй!

Глава 5

Когда я зашёл в камеру, меня сразу окутал этот мерзкий, тяжелый, густой запах. Запах дешевых сигарет, смешанный с какой-то специфической кислятиной и сыростью. Этот запах тюрьмы был здесь вездесущим, проникающим в каждую пору, в каждую трещину стен. Казалось, что если долго его вдыхать, он станет частью тебя, и всё твоё тело будет источать эту вонь.

Прямо напротив двери чернело окно с толстой металлической решёткой. Оно походило на единственный глаз какого-то гигантского чудовища, равнодушного к моему приходу. Я машинально отметил, что на улице уже стемнело. Под окном стоял металлический стол, вокруг которого были две лавки. На одной из них сидел зэк, абсолютно лысый. Густые усы, которые скрывали его губы, но не могли замаскировать презрительную ухмылку. Маленькие, как у сви- ньи, глаза кололи меня, будто два ржавых гвоздя. Он был накачанным, массивным, в тель- няшке, под которой угадывались узоры синих лагерных татуировок. На шее висел увесистый крест на шнурке, выглядело это почти карикатурно — религиозность в контексте его внешнего вида выглядела как плохая шутка.

Я поздоровался. Зэк продолжал смотреть на меня с вызовом, словно оценивая, кто перед ним: добыча, соперник или просто очередной лох.

— По жизни кто? — вместо приветствия бросил он низким, глухим голосом. Его тон был наглым, а манеры вызывающе грубыми.

Этот вопрос мне очень сильно не понравился. Сам того не ожидая от себя, вместо страха я ощутил неожиданную бодрость и ясность, но самое главное — я ощутил злость. Злость на всё — на этот идиотский суд и приговор, на ментов, которые везли меня в СИЗО, на дубаков, которые выёживались при первичном досмотре, и на этого охреневшего зэка. Раньше я сажал таких пачками, и я прекрасно видел, кто передо мной — пересидок-разработчик, который за чай и сигареты ломает неопытных арестантов.

И ещё я разозлился на себя. На то, что допустил вообще всю эту ситуацию. За то, что позволил посадить себя в тюрьму. Всё это вызвало у меня прилив адреналина, и мне нужен был конфликт, я хотел конфликтовать. Какой-то вонючий зэк вдруг решил, что может сидеть и с наглым видом задавать мне вопросы! Кто дал ему такое право?? С другой стороны, сквозь пелену гнева остатки здравого смысла говорили мне, что вступать в открытый конфликт с этим зэком крайне нежелательно, так как он был явно сильнее, и шансы мои в прямом столкновении были невелики.

— Ты чё, глухой? — не унимался лысый зэк, с силой ударяя голосом, будто пробивая в воздухе дыру. Тут его наглый развязный тон окончательно вывел меня из себя, и все размыш- ления об опасности физического столкновения с этим зэком просто исчезли из моего сознания.

Я посмотрел ему прямо в глаза, выдержал несколько секунд и, не отводя глаза, грубо бросил:

— А кто спрашивает?!

Это было дерзко. Он явно не ожидал такого ответа. Его глаза сузились, на лице промельк- нуло удивление, смешанное с раздражением. Мы смотрели друг на друга, как два бойца перед началом схватки. Внутри меня все закипало. Столько всего произошло за этот день — я был на пределе. Я почувствовал, как краснота заливает лицо и шею, а затем я сделал шаг к столу, где он сидел. Зэк резко вскочил со скамейки, и только теперь я заметил, что он ниже меня на целую голову. Это прибавило мне уверенности. Он почувствовал перемену в моём настроении, и его взгляд стал бегать по сторонам, будто он искал поддержки. Было видно, что он пытается быстро оценить сложившуюся ситуацию.

— Меня зовут Лёха, прозвище «Мотор». Сижус с 90-х годов, — сказал он неожиданно спокойным, почти человеческим голосом.

Его дерзость словно испарилась, оставив на её месте какую-то сдержанную примирительность. Но я уже не мог остановиться. Злость на всю эту дерьмовую ситуацию продолжала бурлить во мне.

— А куда делся твой грозный голос? — спросил я с издёвкой. — Ты вдруг научился нормально разговаривать?

По его лицу пробежало напряжение, и было видно, что зэк хотел было уже ответить грубо, но в последний момент он смог быстро восстановить контроль над собой. Его тон стал ещё мягче:

— Ладно, не напрягайся. Просто мне сказали, что ко мне посадят какого-то насильника в погонах, а я насильников ненавижу.

Это было жалкой попыткой оправдаться. Преимущество теперь было на моей стороне, но я решил не усугублять ситуацию. Я решил дать ему возможность достойно потерпеть поражение. Усталость снова начинала брать своё. Я сменил тон на спокойный и уважительный:

— Я не насильник, Вы перепутали что-то. Раньше я был следователем по особо важным делам. Осудили меня за превышение полномочий. Срок — шесть лет. А у Вас какая статья?

Услышав «Вы», Лёха-Мотор подобрел, расслабился. Рассказал, что первый раз сел за разбой и убийство, а сейчас сидит за побег. Уже больше двадцати лет по тюрьмам.

Пока он говорил, я осматривал камеру. Она показалась мне маленькой и давящей со всех сторон. Серые стены, покрытые трещинами, с которых местами облезала краска и штукатурка, напоминали о том, что время здесь замерло. Камера делилась на два помещения. Первое помещение я про себя назвал «кухней». Здесь был металлический стол, две лавочки, эмалированная раковина с единственным краном холодной воды. Горячая вода не предусмотрена. Слева от двери — деревянная дверца, за которой скрывался санузел. Вместо унитаза — керамическая чаша, блестящая от идеальной чистоты, что выглядело крайне неестественно среди этой пыли и вони.

Я прошёл во второе помещение, так называемый «спальник». Там стояли две двухъярусные кровати. Пол был из деревянных досок, которые скрипели при каждом шаге. На стенах висели крючки для одежды. Окно с решётками. Весь этот вид казался нежилым, пыльным. Этот зэк по прозвищу «Мотор» явно содержался здесь не так уж и давно.

В обоих помещениях под потолком горели невероятно яркие лампы. Этот свет резал глаза и давил на виски.

Я бросил свёрток с постельным бельём и посудой на нижний ярус кровати, расположенной слева от входа. Вторая кровать, стоящая напротив, была аккуратно застелена белой простыней, подушка стояла треугольником. Под кроватью лежала большая чёрная сумка с пришитой биркой: «Осуждённый Романов Алексей Сергеевич, 01.03.1965 года рождения, статья 313 УК РФ, срок 4 года, конец срока 2017 год».

После того как я немного устроился, закурил в санузле. Вентиляции не было, окно было закрыто, и дым наполнил камеру, смешиваясь с её вонью. Всё погрузилось в табачный туман. Дышать было невозможно, и я ощутил новый прилив головной боли и тошноты. Не докурив и до половины, я выбросил сигарету. Попил воды из крана и решил полежать.

Я застелил кровать, лёг на жёсткий матрас и почувствовал, как тело начинает расслабляться. Я быстро проваливался в сон, но тут внезапный резкий крик прорезал воздух:

— Камера 234! Кто на кровати? Немедленно встать и подойти к двери!

Я не особо понял, что происходит, и продолжил лежать. Крик повторился ещё громче. В спальник зашёл Романов:

— Ты что, в карцер захотел? Встань немедленно, здесь нельзя лежать до отбоя.

Меня шатало, глаза слипались, но я поднялся. У стены висело переговорное устройство типа домофона, из которого раздавался противный женский голос:

— Кто лежал на кровати? Отвечать!!!

Я нажал кнопку и спокойно ответил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.